

**ИЗМЕНЕНИЯ СПОСОБОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
НИЖНЕИЛИМСКИХ ТУНГУСОВ
В XVII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА**

Исследуются основные этапы трансформации традиционного хозяйства тунгусов Нижнего Илима с позиций системного подхода. Делается вывод о кризисе традиционного хозяйства нижеилимских тунгусов к началу XX века, что привело к их ассимиляции русским населением.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, тунгусы, Нижний Илим, история Сибири.

THE CHANGES IN THE WAYS OF NIZHNIY ILIM TUNGUS NATURAL RESOURCE MANAGEMENT IN THE XVIITH — THE ONSET OF XXTH IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL ECONOMY TRANSFORMATION

Using system approach this paper is concerned with the basic phases of traditional economy transformation in Nizhniy Ilim. It is concluded that a vernacular economy had run into crisis by the onset of the XXth encouraging their assimilation by Russian population.

Keywords: traditional economy, tungus, Nizhniy Ilim, Siberian history.

Настоящий очерк является попыткой прикладного анализа направлений трансформации традиционного хозяйства эвенков и причин такой трансформации в соответствии с теорией, основы которой автором излагались ранее (см.: [7; 8, с. 40–66; 9]). Кратко суть теории сводится к следующему:

1. Традиционное хозяйство есть система.
2. Целью существования системы традиционного хозяйства является успешная адаптация общности к внешним условиям (прежде всего — природным, а на ранних этапах развития общества — только к ним), обеспечивающая воспроизводство населения и, в конечном счете, сохранение этноса.
3. Процесс реализации достижения цели (функционирование системы традиционного хозяйства) заключается в поддержании натурального характера хозяйственной деятельности. Способы достижения цели (функции системы традиционного хозяйства) системы традиционного хозяйства сводятся к обеспечению контроля общества над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными и следовании экологическим традициям.
5. Элементами системы традиционного хозяйства выступают хозяйственные традиции (способы, приемы, правила получения материальных благ).
6. Зависимость преобладающих способов хозяйственной деятельности от конкретных природных условий характеризует внешние связи системы традиционного хозяйства.
7. Трансформация традиционного хозяйства может иметь три основных направления: а) под воздействием внешних условий могут эволюционировать отдельные хозяйственные традиции (например, способы обработки почвы, характерные для богарного земледелия, будут трансформироваться при изменении климата), при этом система в целом изменяться не будет; б) изменение внешних условий может приводить к из-

менению преобладающих способов природопользования (например — к переходу от охоты и собирательства к земледелию), при этом внутренне система традиционного хозяйства остается устойчивой, и, соответственно, будет обеспечиваться достижение цели ее существования (сохранение этноса); в) изменение внешних условий может привести к трансформации функций и процесса функционирования системы традиционного хозяйства, что вызовет ее сбой и, в конечном итоге, саморазрушение с последующей ассимиляцией этноса соседями.

Важно понимать, что в настоящем очерке система традиционного хозяйства используется как субъективная модель реальности для исследования процессов хозяйственных трансформаций в контексте влияния последних на судьбы этносов, но само по себе это не исключает объективного существования такой системы.

Актуальность подобных исследований в современном мире обуславливается широким развитием национального самосознания (в особенности — у малых народов), что, по-видимому, является закономерной реакцией на процессы экономической (а за ней — и культурной) глобализации, ибо дихотомия «свой-чужой» (понимаемая как противопоставление своего этноса другому) для большинства людей остается значимым жизненным императивом.

Илимские тунгусы (эвенки) стали известны русским в 1620-е гг. XVII в., когда из Енисейского острога русские отряды стали продвигаться вверх по Ангаре. Местные нижнеангарские тунгусы оказали ожесточенное сопротивление продвижению русских, поскольку были, по всей вероятности, достаточно многочисленны (собирали отряды в несколько сот человек) и организованы (упоминается множество имен тунгусских «князьцов»). Русские старались пользоваться противоречиями между бурятскими и тунгусскими князьями, а также (далеко не всегда успешно) между отдельными родами тунгусов. Закрепление русских на Илимке ознаменовалось лишь основанием Илимского острога в 1630–1631 гг. Соседями русских на Илимке были тунгусы-шамагиры (к северу от острога) и налягиры (к югу от острога).

О времени появления тунгусов на Илимке судить сложно, но можно утверждать, что к приходу русских процесс расселения тунгусов на территории между Енисеем и Байкалом еще не был завершен, — они в это время только осваивали среднюю и нижнюю Ангару, в том числе ассимилируя остатки местных енисейских племен (коттов и асанов) [21, с. 130–131]. Всех тунгусов с XVII в. исследователи делили на «пеших», «оленных», «скотных», и «конных» по типу хозяйства (вариант: «пешие», «оленные», «конные», «собачьи»). При этом надо иметь в виду, что хозяйство эвенков, вероятно, никогда не было ориентировано на использование только оленей, или только коней, или только крупного рогатого скота, — оно всегда было комплексным. Тем не менее, ука-

занное деление тунгусов на хозяйственные типы (по преобладающей форме хозяйства) существовало, и согласно ему илимские тунгусы в XVII в. были «пешими» [2, с. 4]. На наличие оленей у илимских тунгусов в частности и у западных тунгусов вообще не указывает ни один источник [1, с. 2]. Г.М. Василевич убедительно, на наш взгляд, доказала, что освоившие тайгу Предбайкалья тунгусы, которых встретили на Илиме русские землепроходцы, по типу хозяйства были пешими охотниками. «Пешие» тунгусы — это звероловы и рыболовы таежной зоны. И.Г. Георги противопоставляет их «олениным» тунгусам (также таежным жителям, обитавшим восточнее Байкала и Лены). Если «олениные» тунгусы имели от 20 до 1000 и более оленей, их хозяйство полностью зависело от оленей и было на них ориентировано, то «пешие» тунгусы жили за счет охоты зимой и рыбной ловли летом [5, с. 41–42].

Наличие или отсутствие торговых отношений тунгусов с соседями (что позволило бы говорить о развитии элементов товарности хозяйства) для XVII столетия установить трудно. В.А. Туголуков вслед за А.П. Окладниковым утверждает, что часть приангарских и прибайкальских эвенков торговала с бурятами, обменивая пушнину на лошадей, крупный рогатый скот, украшения [17, с. 130]. Скорее, это было характерно для эвенкийских групп, постепенно ассимилируемых бурятами на юге Предбайкалья. Часть тунгусов-охотников на Илиме привлекалась русскими промышленниками как дешевая рабочая сила для боя соболя. В.Н. Шерстобоев отмечает, что еще в XVII в. промышленники добывали соболя в 3,3 раза больше, чем получало государство ясаком и пошлинами [20, с. 537, 539]. Все это говорит о том, что натуральное хозяйство тунгусов начинает испытываться на прочность обстоятельствами, но пока сохраняет свою целостность. Серьезнее обстояло дело с экологическими традициями. Вынужденные платить ясак соболями, завлеченные в сети пушной торговли русскими промышленниками, тунгусы повыбили к концу XVII столетия всего соболя и прямились за белку и горностаю, о чем красноречиво говорят данные по сбору ясака в Нижнеилимском воеводстве, опубликованные В.Н. Шерстобоевым [20, с. 545–547]. С одной стороны, соболь не являлся для тунгусов важным в продовольственном отношении, резкое сокращение его популяции не затрагивало основ натурального тунгусского хозяйства. С другой стороны, хищническое истребление соболя тунгусами говорит о формировании потребительского отношения к природе, об изменении нравственных установок.

В социальном отношении тунгусы представляли собой в XVII в. народ, живший уже семьями (семья, а не род являлась хозяйственной единицей), в той или иной форме подчинявшихся власти местных князев. Но сохранялись и пережитки родовой организации, которая, по-видимому, отмерла незадолго до знакомства эвенков с русскими. Это выража-

лось в том, что большая семья имела признаки рода — экзогамию, коллективный труд и др. [2, с. 151].

Численность илимских тунгусов в XVII в. также не может быть точно определена. В.А. Туголуков определял численность тунгусов нижнего и среднего Приангарья в целом в 1,7 тыс. человек [17, с. 129]. Можно предполагать, что какая-то часть тунгусов (шамагиры) с приходом и утверждением на Илимке русских, уже откочевала на север, к Нижней Тунгуске, и на северо-восток, на Лену [17, с. 136].

Итак, в XVII в. илимские тунгусы по способу природопользования являлись пешими охотниками и рыболовами. Натуральный характер их хозяйства (уже атакующий русскими промышленниками) и коллективные формы организации труда (в условиях почти разложившегося родового строя) все же не подлежат сомнению.

В XVIII столетии хозяйственные процессы, происходившие в тунгусских коллективах Приангарья под влиянием окружающих природных условий и стремительно растущего русского населения, начали приводить к трансформации традиционного хозяйства. И.Г. Георги, исследовавший эвенков в это время, отмечает достаточно условное разделение «лесных» эвенков на «оленных» и «пеших». Некоторые из «пеших» тунгусов имели оленей (до 10), правда, использовали их исключительно как вьючных животных, их даже доили редко. Кроме того, если зверолов-тунгус богател, то он заводил оленей, и наоборот — обедневший оленевод становился звероловом и рыболовом [5, с. 43–44]. Занятие звероловством Георги связывает с бедностью эвенкийских семей, а олени позволяли тунгусам выбраться из нужды. По Г.М. Василевич, в это время у приангарских (в том числе — нижеилимских) тунгусов, освоивших таежную зону, формируется «эвенкийский» тип оленеводства, который характеризуется использованием оленя как вьючного животного (мясо оленей употреблялось в крайнем случае, если была неудачной охота), небольшими стадами оленей (при этом на зиму оленя отпускали в тайгу), подчинением оленеводства нуждам охоты [1, с. 4]. Однако оленеводами «эвенкийского» типа, надо думать, становились не все тунгусы. Часть илимских и верхнеленских тунгусов начинает оседать в русских селениях. Они заводят коров и лошадей и переходят, зимой охотясь на пушного зверя (чтобы отдать ясак). Некоторые тунгусы вовсе забрасывают охоту, предпочитая выменивать пушнину у своих охотящихся соплеменников [17, с. 138–139]. Еще одной формой торгового взаимодействия русских и тунгусов был обмен последними у русских на пушнину кузнечного инструмента и железа [5, с. 45].

В начале XVIII в. разложение натурального хозяйства у илимских тунгусов было приостановлено действиями правительства. Сокращение добычи «ясачного» соболя приводило к усилению зависимости тунгусов от местной администрации, которая жестко пресекала торговлю тун-

гусов с промышленниками и их найм как охотников. Но, удерживая от разложения натуральное хозяйство тунгусов одной рукой, царская администрация другою исподволь способствовало отказу от прежнего способа природопользования, поощряя только промысел пушнины в ущерб звероловству и рыболовству, вынуждая «ясачных» переходить к домашнему скотоводству и земледелию. «Состояние туземных промыслов есть обратный показатель развития туземного земледелия» [20, с. 550]. Кроме того, распространяя на сибирских «инородцев» практику сбора ясака и ограничивая свободную торговлю пушниной, правительство тем самым втягивало их в общероссийскую систему взаимоотношений между народом и государством. В этой системе государство контролировало экономическую активность, брало на себя функции общины. Тем самым правительство исподволь подтачивало сами устои традиционного хозяйства, предполагавшего зависимость хозяйственной деятельности от социальных институтов. Усилия же администрации по пресечению «опромышлевания» тунгусов имели кратковременный и эпизодический эффект, — купцы все равно проникали в тунгусскую среду.

Численность тунгусов на Илимe в этот период может быть определена только приблизительно. В.Н. Шерстобоев считал, что в Илимском воеводстве в первой четверти XVIII в. было около 2000 тунгусов [20, с. 118]. По переписи 1732 г. «ясачное» население Илимского уезда составляло 342 человека (все мужское население — 748 человек, все коренное население — предположительно около 1500 человек), по переписи 1750 г. — 471 человек (рост к 1732 г. — 37,7 %; все мужское население — 961 человек) [25, с. 610]. В 1765 г. в Илимском уезде зафиксировано 911 душ мужского пола «ясачного» населения (в том числе — бурят), а русских — около 13 тыс. душ мужского пола [21, с. 35, 614]. В 1766 г. перепись «ясачных» показала 961 душу мужского пола. Таким образом, население Приилимья было почти сплошь русское и росло очень быстро. Тунгусское же население региона по сравнению с началом XVIII столетия почти не выросло. Илимский уезд вообще был единственным в Восточной Сибири, где «русское население решительно преобладало над коренным населением» [21, с. 609]. Тунгусы, хозяйство которых постепенно изменялось, подстраивалось под русское окружение, что неизбежно должно было привести и к межэтническим связям, в этих условиях оказались в подавляющем меньшинстве. Уже в 1750 г. среди тунгусов уезда было 11,2 % новокрещенных [21, с. 635]. Новокрещенные порывали не только со своим родом, но и отходили от прежней хозяйственной жизни, либо нанимаясь в работу к крестьянам, либо становясь крестьянами. Тем самым готовилась почва к их ассимиляции русским населением.

К XVIII в. относятся первые дошедшие до нас сведения о численности и занятиях именно Нижнеилимских тунгусов. Тунгусы нижнего

Илима проживали в Нижнеилимской «ясачной» волости. Точных территориальных границ волость не имела. По переписи «ясачных» 1732 г. в Нижнеилимской волости числилось 88 душ мужского пола (обложенных ясаком — 40) [21, с. 609], по переписи 1750 г. — 93 души мужского пола (обложенных ясаком — 38) [21, с. 610]. В 1778 г. в волости было 28 человек (обоего пола) новокрещеных [21, с. 638]. По сведениям 1767 г. тунгусы Нижнеилимской волости не занимались земледелием и скотоводством, кочуя по тайге с небольшим количеством оленей [21, с. 614]. Но изменения в традиционном хозяйстве, характерные для их соплеменников в других волостях уезда, проявляются и здесь: «Два хозяйства Нижнеилимской волости имели по 2 лошади и по 8 коров, оба двора пахали и косили сено, по 50 копен на двор, но они еще покупали до 250 копен сена» [21, с. 637]. Старшины (шуленги) у нижнеилимских тунгусов (в отличие от других «ясачных») менялись ежегодно, что косвенно указывает на отсутствие в их среде устоявшегося неравенства между семьями [21, с. 622].

Таким образом, в XVIII в. изменяется способ природопользования илимских тунгусов — распространяется оленеводство «эвенкийского» типа (по классификации Г.М. Василевич). По-видимому, это было связано с тем, что в условиях тайги оленеводство более, нежели пешее звероловство, отвечало цели традиционного хозяйства — обеспечению воспроизводства населения. Отдельные семьи переходят на полуседлый образ жизни, заводя лошадей и КРС. Натуральный характер хозяйства тунгусов в целом сохраняется (во многом — благодаря препятствиям, чинимым администрацией их «опромышленванию»), но одновременно власти исподволь способствовали уничтожению коллективных форм организации труда, ориентируя «ясачных» на индивидуальную охоту на пушного зверя. Сохранение системы традиционного хозяйства обеспечивало тунгусам воспроизводство населения, но соседство с русскими, во много раз численно превосходящими тунгусов, в условиях медленно трансформирующегося процесса функционирования системы традиционного хозяйства, подготавливало кризис самой системы.

В XIX в. процессы трансформации традиционного хозяйства илимских эвенков усилились. Первая группа изменений касалась способов природопользования. Звероловство (все тунгусы Нижнеилимской волости в начале XIX столетия числились звероловами [13, л. 285]), оставаясь основным занятием тунгусов, приобретает различные специализации, зарождение которых началось в предыдущие столетия. После Сибирской реформы 1822 г., когда, согласно «Уставу об управлении инородцами», все «инородцы» были разделены на «оседлых» (земледельцев), «кочевых» (скотоводов) и «бродячих» (охотников и рыболовов), эти специализации получили официальные характеристики. Среди немногочисленных «инородцев»-тунгусов созданной на базе Нижнеилимской

ясачной волости Нижнеилимской инородческой управы были тунгусы и «бродячие», и «кочевые». «Бродячие» тунгусы имели оленей (в небольшом количестве), и занимались звероловством, используя оленей как верховых и вьючных животных. «Кочевые» жили полуоседло, иногда — в русских деревнях, имели домашний скот и немного занимались земледелием, но сезонно занимаясь охотой, т.е. оставались звероловами. Почему же они «кочевые»? Дело в том, что в отличие от своих «бродячих» соплеменников, живших охотой на копытных и пушным промыслом, «кочевые» тунгусы добывали исключительно пушного зверя, которого продавали или обменивали на необходимые вещи и продукты. Между сезонами охоты «кочевые» тунгусы жили немного земледелием, немного скотоводством, нанимались в работники к русским крестьянам. Сравнительно немалое количество скота, имевшееся у этих тунгусов (в том числе — КРС), а также явное отличие их хозяйства от хозяйства тунгусов-оленоводов при одновременном слабом развитии земледелия заставляло власти причислять их к «кочевым».

На протяжении всего XIX столетия удельный вес «кочевых» тунгусов увеличивается, а «бродячих» — сокращается. В 1830 г. в Нижнеилимской инородной управе доля «кочевых» — 19,3 %, в 1869 г. — 37,7 %, но в 1883 г. — уже 59,4 % (рассчитано по: [6, оп. 2, д. 11, л. 5–6; 9, л. 14]). По данным переписи 1897 г. из 42 хозяйств Нижнеилимского ведомства лишь 18 хозяйств принадлежали «бродячим» тунгусам [11, с. 532], лишь 34,4 % тунгусов ведомства были «бродячими». В 1883 г. в Нижнеилимском инородческом ведомстве эвенки содержали 158 оленей (на душу мужского пола — 1,2), 53 лошади (0,4), 64 головы крупного рогатого скота (0,5), а также 92 овцы и 23 свиньи [6, оп. 2, д. 13, л. 13]. «Кочевые» тунгусы не разводили оленей вовсе, зато у них приходилось по 2,6 головы различного другого скота на душу мужского пола [6, оп. 2, д. 13, л. 16–19]. Кроме того, «кочевые» тунгусы имели пашню и огороды [6, оп. 2, д. 13, л. 14]. Таким образом, у «кочевых» эвенков наблюдается переориентации с оленеводства на разведение крупного рогатого скота и лошадей. Скотоводство не стало главной отраслью эвенкийского хозяйства, но было важным источником средств к существованию. В хозяйствах тунгусов, практически перешедших к оседлости, количество скота в начале XX в. уже сопоставимо с поголовьем скота у русских крестьян. Например, в тунгусской деревне Ясачной на реке Коченге (приток Илима) в 1926 г. на 120 жителей приходилось 53 лошади, 54 головы КРС и 33 овцы [19, с. 22, 24]. Земледелие также почти во всех группах «кочевых» тунгусов в XIX в. земледелие было знакомым и обычным, хотя и имеющим подсобный характер родом занятий. В Нижнеилимском ведомстве уже в 1869 г. было шесть мельниц [6, оп. 2, д. 11, л. 9]. Возможно, что на них перемалывалось не только доморощенное зерно местных тунгусов. В 1883 г. у «кочевых» тунгусов ведомства было 108 десятин под пашней

(1,2 дес. на душу мужского пола) и 9 дес. под огородами. По выбору сельскохозяйственных культур инородцы практически ничем не отличались от русских крестьян, — ими выращивались рожь, пшеница, овес, ячмень [6, оп. 2, д. 13, л. 4, 5, 14]. Конечно, хлебопашество тунгусов «очень мало имеет влияния в экономическом отношении на благосостояние народа» [6, оп. 2, д. 13, л. 9], «инородцы» не производили хлеб на продажу, хлеб на пропитание в основном брали у русских крестьян в долг из расчета на год, рассчитываясь потом шкурками пушных зверей, но важен сам факт обращения бывших таежных охотников к земледелию. Разведение крупного рогатого скота и, в особенности, земледелие, требующее постоянного внимания к обрабатываемым почвам, стали предпосылками перехода части эвенков к оседлому образу жизни, — сначала «кочующие» тунгусы начали заниматься земледелием, а уже потом переходили к оседлости. Во всяком случае, именно с оседлостью связываются перспективы развития тунгусского хлебопашества руководством ведомства [6, оп. 2, д. 13, л. 8]. В 1883 г. в Нижнеилимском ведомстве из 62 юрт 28 (почти половина) были деревянными, сверх того, учтено 49 нежилых деревянных зданий (амбары, помещения для скота и т.д.) [6, оп. 2, д. 13, л. 13]. Этот факт указывает на то, что так называемые «кочевые» тунгусы ведомства, скорее всего значительную часть года жили оседло. Земледелие и скотоводство, получившие широкое распространение у тунгусов, тем не менее, для абсолютного их большинства оставались вспомогательными занятиями. Причина этого заключена, опять-таки, в природных условиях проживания. Как заметил Я.Н. Ходукин, говоря о нижнеилимских тунгусах, недостаток лугов и покосов, ранние заморозки, и, вместе с тем, постоянное сокращение промыслового зверя «заставляет насельников Илима довольствоваться смешанной формой хозяйства: немного пашни, скота в меру возможности, охота и, уже совсем немного, рыболовство» [19, с. 13].

«Бродячие» тунгусы Нижнеилимского ведомства в 1883 г. имели исключительно одних оленей, которых у них было 158 голов на 49 мужчин и 63 женщины, или 3,2 головы на душу [6, оп. 2, д. 13, л. 16–19]. Для илимских тунгусов это немало, поэтому нужно признать правоту М.Г. Турова, который отмечает, что транспортная функция оленя у «бродячих» эвенков именно к концу XIX столетия приобретает все большее значение в связи с увеличением территории, на которой производятся перекочевки. Причем увеличение промысловых площадей происходит не в связи с охотой на копытных, а по причине активизации пушной охоты [18, с. 53, 123, 162].

Постепенное перетекание нижнеилимских тунгусов из разряда «бродячих» в разряд «кочевых» (как и увеличение поголовья оленей у тех тунгусов, которые остались «бродячими»), связано с изменениями в их хозяйстве, которые, в свою очередь, были инициированы переходом тун-

гусов от потребительской охоты к охоте товарной (на пушного зверя). До начала XIX в. у таежных сибирских народов была распространена почти исключительно потребительская охота на копытных. Пушная охота в основном осуществлялась для уплаты ясака. С разрешением в начале XIX столетия свободной торговли пушнина ситуация коренным образом изменилась. Пушной промысел в конце XIX в. был основным занятием тунгусов Нижнеилимского ведомства: «Народное продовольствие инородцев здешней управы обеспечивается покупкою, то есть: зажиточные крестьяне Нижнеилимской и Киренской волостей снабжают инородцев хлебом на годовое продовольствие и рассчитываются с ними по окончании звериных промыслов — получают за хлеб пушными звериными шкурами... Главный промысел инородцев составляет звероловство, от которого и зависит благосостояние их, посредством продажи пушнины оплачиваются подати и приобретается все необходимое для пропитания» [6, оп. 2, д. 13, л. 10–11]. Для эвенков промысел был, как правило, не способом обогащения, а источником средств к существованию, более надежным и рациональным, чем традиционная потребительская охота. Причины перехода эвенков к товарному хозяйству разнообразны. Первая из них — экономическая рациональность пушной охоты, возможность получить больше, затрачивая меньше ресурсов. Вторая причина связана с ясачной политикой правительства. Взимание ясака пушнина стимулировало пушной промысел, а переход на денежный ясак на рубеже XIX–XX вв. делал его едва ли не единственным источником получения денег для «бродячих инородцев». Само по себе взимание ясака не рассматривалось правительством как элемент вовлечения «инородцев» в систему товарных отношений. Не являлся ясак таковым и по форме. Но свободная торговля пушнина и высокие ставки ясака делали более выгодным осуществление торговых операций со скупщиками мехов. Третья причина связана с сокращением популяции животных, которые являлись объектами потребительской охоты. Сама природа ограничивала потребительскую охоту и делала в принципе невозможным, при неразвитых земледелии и животноводстве, исключительно натуральный характер эвенкийского хозяйства. Пушная охота тунгусов, хотя и осуществляемая с целью обмена, имеет черты присваивающего хозяйства. Предметы сбыта инородческой охоты, а это практически исключительно шкуры зверей, перед тем как превратиться в товар, подвергались лишь первичной, самой примитивной обработке, и не были готовы к непосредственному употреблению, фактически представляя собой природное сырье. Таким образом, товарный характер экономической деятельности эвенков представляет собой не товарное производство как таковое, а присвоение природных богатств с целью сбыта. Такая специфика товарности тунгусского хозяйства свидетельствует о тесной ее взаимосвязи с традиционным способом природопользования. Сам прежний способ

(охота) остался господствующим, но изменилась его форма, — если ранее охота была только потребительской, то есть натуральной, то теперь она приобрела товарный характер.

Результаты перехода эвенков к товарной охоте неоднозначны. Несмотря на то, что произошло изменение формы, но не содержания традиционного способа природопользования, видоизменилось целеполагание экономической деятельности. По-прежнему охота служила только целям удовлетворения насущной потребности человека в пище. И все же если раньше продукция охоты непосредственно употреблялась в пищу, то теперь она обменивалась. В конце 1920-х гг. во всех региональных группах иркутских эвенков в структуре балансов жизнеобеспечения мясо диких животных уже значительно уступало покупному продовольствию (в среднем 34,7 % против 80 % от потребностей группы в год). Более того, при сопоставлении показателей по отдельным группам выясняется, что с обеспечением продовольствием дело лучше обстоит в тех группах, в которых покупные продукты питания составляют большую часть всего продовольствия, а охота на пушного зверя более масштабна [12, с. 106]. Специализация «бродячих» эвенков на пушной охоте стала еще и причиной расширения площадей, на которых осуществлялся промысел и, соответственно, перекочевки, и возрастание роли оленя как транспортного средства.

В XIX столетии у тунгусов заканчивается разложение родовой организации, сменившейся территориальными образованиями [17, с. 147]. Так называемый род XIX в., иногда упоминающийся источниками, фактически представлял собой патронимию (большую семью), не существовало общественных институтов выше семьи, контролирующих соотношение имущественных статусов отдельных хозяйств. Такой порядок сложился потому, что главным богатством для кочевых охотников после перехода к оленеводству являлись олени, а не земля. В ходе Сибирской реформы 1822 г. у нижнеилимских тунгусов была образована инородческая управа, а не родовое управление (родовые управления включали один род, тогда как управы состояли из представителей разных родов). То есть уже в начале XIX столетия как такового рода у тунгусов не существовало. При переписи 1897 г. никто из нижнеилимских тунгусов не показал свой род [11, с. 536]. Раньше род, как социальный институт, контролировал экономическую активность своих членов, например, с помощью перераспределения охотничьих угодий, добычи, мест кочевий. Род не был экономической структурой в том смысле, что сами экономические отношения были подчинены социальным интересам, хозяйственная деятельность осуществлялась как бы внутри общины, и не выходила за ее рамки. С переходом к товарному промыслу мало того, что возросла роль отдельной семьи или отдельного охотника, — экономическая деятельность теперь была направлена за пределы общины, и оттуда же, извне она регулировалась. Торговля с частными лицами, «покрута», необхо-

димось выплаты ясака — все эти явления, имевшие конечной целью личную выгоду, повышали значимость индивидуального труда и сводили на нет контрольную функцию рода.

В связи с развитием пушного промысла подвергаются дальнейшей трансформации экологические традиции коренного населения. Необходимость расширения пушного промысла и активные контакты с русским и бурятским населением приводили к расширению ассортимента огнестрельного оружия. Использование этого «достижения» цивилизации позволяло человеку осознать относительность зависимости от природы. Восточно-Сибирский генерал-губернатор Н.П. Синельников (в Иркутске с 1871 по 1874 г.) писал: «Промышленная охота не регламентируется особыми инструкциями для каждого района, производится по обычаю предков и носит хищнический характер» [3, с. 33]. В начале XX в. на Ербогаченской ярмарке, где происходило выменивание у тунгусов пушнины и шкур копытных животных, ежегодно фиксировалось поступление в продажу лосиных шкур, добытых в весенне-летний период, что всегда было запрещено [15, с. 3]. Хищническая добыча соболя вынудила губернские власти в 1910 г. принять правила охоты на соболя в новой редакции, которая, в частности, запрещала соболиную охоту в период с 1 января по 1 октября каждого года, а также употребление сетей и самоловных приспособлений [4, с. 25]. Однако применение этих весьма полезных правил фактически было невозможно проконтролировать. С сокращением соболя связано увеличение добычи белки и других животных.

Параллельно с изменениями в хозяйстве эвенков шел процесс их ассимиляции соседними народами. Ассимиляции подвергались в большей степени те группы тунгусов, которые обнаруживают признаки трансформации традиционного хозяйства и перехода к оседлости, поскольку именно они и вступали в контакт с русскими и бурятами. При этом естественный природ в этих группах мог быть положительным, но за счет смешанных браков, перехода в крестьянское сословие (случаи перехода тунгусов в крестьяне на Илиме отмечаются с первой половины XIX в. [6, оп. 2, д. 14, л. 2]), изменения хозяйственного быта общая численность эвенков неуклонно уменьшалась. Другими причинами вымирания являлись распространение болезней, алкоголизма. Динамика численности тунгусского населения красноречиво говорит о вымирании этого народа на Нижнем Илиме. По материалам седьмой ревизии (1815 г.) в Нижнеилимской ясачной волости обитало 349 душ обоого пола [6, оп. 1, д. 265, л. 285], в 1830 г. — 374 человека [6, оп. 1, д. 1, л. 65], в 1861 г. — 330 человек [14, с. 91], в 1869 — 289 человек [6, оп. 2, д. 11, л. 5–6], в 1883 г. — 276 человек [6, оп. 2, д. 13, л. 8], в 1897 г. — 274 человека [14, с. 91]. В 1900 г. в Нижнеилимском ведомстве числилось 137 оседлых тунгуса (данных по «бродячим» нет) [14, л. 133]. В 1926 г. Я.Н. Ходукин, проводя исследование хозяйства илимских тунгусов, нашел лишь 120 человек в

деревне Ясачной (все говорили только по-русски) [19, с. 22]. Значительная часть илимских тунгусов в годы Гражданской войны бежала на север от притеснений со стороны белогвардейских отрядов. В том числе этим, вероятно, объясняется рост численности курейских и кондогирских звенков в 1920-е гг. (с 303 человек в 1897 г. до 651, и с 293 до 629 соответственно) [16, с. 48, 51, 52]. В.А. Туголуков считал, что звенки уходили на север, не желая менять традиционный образ жизни [17, с. 140].

Итак, в XIX — начале XX в. традиционное хозяйство тунгусов Нижнего Илимга претерпевает серьезные изменения. На протяжении всего периода неуклонно сокращается количество оленеводческих хозяйств и растет число хозяйств земледельческо-скотоводческих, т.е. изменяется основной способ природопользования тунгусов. Интенсификация скотоводства и земледелия была тесно связана с переходом к оседлости. Оседлость «кочевых» звенков имела сезонный характер, приспособленный под земледельческий цикл работ и охотничий промысел. Означенные изменения стали не только и не столько результатом истощения источников традиционного потребительского промысла, т.е. реакцией на «вызов» природы, сколько следствием тесных контактов с русским населением и переходом к товарной охоте на пушного зверя. Если распространение животноводства и земледелия в некоторой степени делали звенкийское хозяйство более защищенным от воздействий и изменений природной среды, то товарный промысел, напротив, способствовал углублению имущественной и социальной дифференциации, снижению общего уровня жизни и активизации контактов с внешним миром, что в итоге, посредством увеличения смертности и ассимиляции, приводило к сокращению населения. Таким образом, широкое распространение товарного промысла приводило к постепенному поглощению традиционных хозяйственных форм рыночными отношениями, а впоследствии — к культурной и физической ассимиляции звенков. Специализация звенков на пушном промысле знаменовала крах натурального хозяйства. В результате традиционное хозяйство звенков потеряло свою этническую специфику и перестало существовать как самоорганизующаяся система.

Список использованной литературы и источников

1. Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) / Г. М. Василевич / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август 1964 г. — М. : Наука, 1964. — 12 с.
2. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.) / Г. М. Василевич. — Л. : Наука, 1969. — 304 с.
3. Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. — Иркутск, 1908. — 49 с.
4. Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. — Иркутск, 1912. — 41 с.

5. Георги И. Г. Тунгузы / И. Г. Георги // Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3 : Семоядские, Манджурские и Восточно-Сибирские народы. — СПб., 1777. — С. 34–55.

6. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 461.

7. Курышов А. М. Традиционное хозяйство коренных народов как система / А. М. Курышов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 3. — С. 187–194.

8. Курышов А. М. Трансформация системы традиционного хозяйства коренных народов Прибайкалья на рубеже XIX–XX столетий / А. М. Курышов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — 212 с.

9. Курышов А. М. Характер модернизации хозяйства коренного населения Сибири на рубеже XIX–XX столетий: теоретический аспект / А. М. Курышов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — С. 426–431.

10. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Статист. материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен : (Представлено в заседание Ист.-филол. отд. 10 марта 1910 г.) / С. К. Патканов. — СПб. : Изд-во Имп. Акад. Наук, 1911. — 210 с.

11. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) [В 3-х т.] / С. К. Патканов. — СПб., 1911–1912. — Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин / Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики; Т. 11; Вып. 3. — 1912. — С. [3], 434–999.

12. Рагулина М. В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М. В. Рагулина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. — 163 с.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 265.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1291. — Оп. 84. — Д. 15в.

15. Сибирь. — 1911. — № 294.

16. Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности / А. А. Сирина. — М. : Оттиск, 2002. — 284 с.

17. Туголуков В. А. Эвенки / В. А. Туголуков // Этническая история народов Севера / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. — М. : Наука, 1982. — С. 129–154.

18. Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX вв. (принципы освоения угодий) / М. Г. Туров ; Иркут. гос. ун-т. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. — 176 с.

19. Ходукин Я. Н. Тунгусы реки Коченги / Я. Н. Ходукин ; Иркут. гос. ун-т. — Иркутск, 1927. — 29 с.

20. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. I : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — Иркутск : Иркут. ОГИЗ, 1949. — 595 с.

21. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. II : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — 673 с.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@isea.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: history@isea.ru.

УДК 39/615.324
ББК 63.3(5)

***В.З. НАНЗАТОВ,
М.М. СОДНОМПИЛОВА***

**РОГА ОЛЕНЕЙ (ПАНТЫ)
КАК ОСНОВНОЕ ЛЕКАРСТВЕННОЕ СЫРЬЕ
ТОРГОВО-ОБМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ РОССИЕЙ, МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ
В XVII–XIX ВЕКАХ**

Лекарственные средства животного происхождения были одним из важных объектов торговли в торгово-экономических отношениях России с разными странами Востока, в частности с Китаем и Монголией в XVII–XIX вв. В данной статье мы остановились на оленьих рогах (пантах), относящихся к категории лекарственного сырья, которые присутствуют в официальных документах, сопутствующих торгово-обменным операциям, упоминаются как контрабандный товар в источниках неофициального характера.

Ключевые слова: панты, лекарственное сырье, контрабанда, Российская империя, Цин, Монголия, Бурятия, трансграничье.

***V.Z. NANZATOV,
M.M. SODNOMPILOVA***

**DEER ANTLERS (VELVET ANTLERS) AS THE MAIN
MEDICINE IN TRADE AND EXCHANGE TRANSACTIONS
BETWEEN RUSSIA, MONGOLIA AND CHINA
IN 17TH — 19TH CENTURIES**

Medicines of animal origin have been one of the important objects of trade in the economic and trade relations between Russia and various countries of the Orient, in particular with China and Mongolia in the 17th — 19th centuries. Velvet antlers belonging to the category of medicinal goods, which are present in the official documents related trade and exchange